

Во время нашей предыдущей радиопереклички с планетами несколько раз чуткие «уши» радиотелескопов улавливали странные звуки, похожие на отдаленный смех, хмыканье. Донеслась даже целая фраза на непонятном языке, построенная так ритмично, что походила на стихотворную. Фраза это была записана на магнитофонную ленту и затем предложена для перевода и расшифровки самой «умной» из имеющихся электронных машин.

Вот текст, выданный машиной:

«А меня как всегда забыли... А мне вы (ты) думаете (думаешь) нетрудно освещать? Иди сделай так же (варианты: повтори, последуй моему примеру). А вот иду (варианты: шагаю, поспешаю, тороплюсь, поторапливаюсь, двигаюсь) я, потому что я приняло на себя такое обязательство (варианты: дало обет, вызвалось, согласилось), и вот я иду, свечу сразу двумя фонарями...»

Долго мы ломали головы над этой тарабарицной. Вдруг наш специальный космический корреспондент Г. Голубев вскрикнул:

— Эврика! — и помчался на радиостанцию, где принялся торопливо вызывать Солнце...

ГОВОРИТ

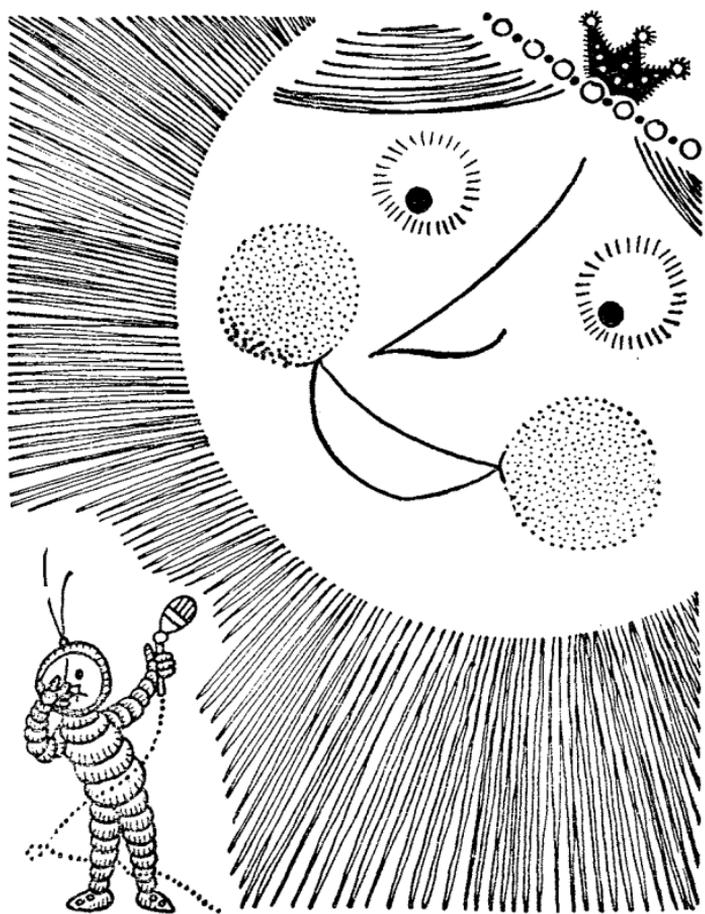
ДНЕВНАЯ ЗВЕЗДА...

— Солнце? Здравствуйте, наше дорогое светило! Вы не думайте, что мы о вас забыли, о нет! Просто мы решили предоставить вам слово после того, как выскажутся все остальные члены солнечной семьи. Надеюсь, вы не обижены?

— Нет. Я вовсе не так обидчиво, как некоторые мои неразумные дети — планеты, хоть и знаю себе цену. Думаю, и вы не склонны забывать обо мне — ведь в вашей системе я единственное и неповторимое.

— О, конечно! О нашем внимании к вам вы можете судить хотя бы по тому, что у нас в Советском Союзе даже создана специальная Служба Солнца. Множество обсерваторий провожают почтительными взорами своих телескопов каждый шаг вашего извечного пути по небосклону.

— Благодарю вас за такое внимание, но мне кажется, вы следите за мной столь тщательно вовсе не бескорыстно и отнюдь не ради моей красоты. Ведь я — единственная звезда, поверх-

Рисунки В. Стацинского

ность которой вы пока можете рассматривать в свои телескопы. А кроме того, я так неразрывно связано с Землей, что, изучая меня, вы пытаетесь разрешить и ваши земные проблемы: составлять прогнозы погоды и предвидеть урожай на полях.

— Да, мы привыкли относиться к вам с уважением. Первобытные народы даже поклонялись вашему золотому диску как самому главному божеству, дарителю жизни...

— Ну, допустим, не всегда вы оказывали мне должное уважение. Были времена, когда многие самоуверенно считали Землю центром мироздания и воображали, будто это я, Солнце, послушно вращаюсь вокруг вашей планетки, словно овца на привязи.

— Но ведь эти геоцентрические заблуждения давно отвергнуты наукой. Вспомните Коперника...

— Однако я бы не сказала, что с тех времен у вас прибавилось скромности. Теперь вы пытаетесь ни больше, ни меньше,

как создать себе свое земное солнце в лабораториях. Но, кажется, с управляемой термоядерной реакцией пока ещё не очень получается?

— Мы не унываем и надеемся справиться и с этой весьма нелегкой задачей.

— Насколько я изучило людей, рассматривая их день за днем, вы своего добьетесь. Но для этого вам придется получше разобраться в тайнах моего внутреннего строения, в сложной механике тех процессов, которые происходят в моих недрах.

— За последние годы советские ученые многое узнали о любопытных особенностях ваших трех внешних газовых оболочек: фотосферы, хромосферы и серебристой короны. Но вот проникнуть в ваши огненные недра не так-то легко. Они недоступны прямому наблюдению.

— И все-таки вам удастся, если не заглянуть в мои недра, то хотя бы «подслушивать» его секреты «ушами» радиотелескопов.

— Да, с помощью радиотелескопов нашим советским астрономам удастся как бы заглядывать внутрь солнечных пятен, зондировать их на большую глубину, на расстоянии без малого сто пятьдесят миллионов километров, которое нас с вами разделяет, измерять даже величину магнитных полей над отдельными пятнами. Но и тут возникает немало новых загадок: что питает энергии эти магнитные поля? Почему плазма в магнитных полях ваших пятен не рассасывается, а ведет себя гораздо устойчивее, чем в наших опытных термоядерных установках? И есть ли у вас общее магнитное поле, как и у нашей планеты, или только отдельные поля вокруг пятен и гранул?

— Мне кажется, вы слишком нетерпеливы и хотите сразу разгадать все загадки. Разрешите встречный вопрос: а у Земли есть единое магнитное поле?

— Есть.

— И вы знаете его источник?

— Как вам сказать... Существует несколько гипотез...

— Вот, вот, со своим земным магнитным полем еще не разобрались, а хотите все выяснить о моем. Позвольте напомнить вам слова одного из ваших ученых, сказанные по поводу загадок земного магнетизма: «Это неведение одновременно является и уроком скромности и призывом к дальнейшим исследованиям». Неплохо сказано, не правда ли? И может быть отнесено ко всем загадкам природы. Так что не огорчайтесь и продолжайте исследования. Они идут во многом весьма успешно. Позвольте, например, поздравить ваших ученых с таким выдающимся достижением, как недавняя радиолокация моей короны.

— Спасибо, это было действительно нелегким делом, ведь нужен был сигнал в сто раз сильнее, чем при локации Венеры, чтобы он мог вернуться на Землю, отразившись от вашей короны. А чтобы его уловить и отличить от вашего собственного радиоизлучения, пришлось к локатору присоединить электронно-счетную машину. Сейчас наши советские ученые и инженеры разрабатывают новые локационные установки с автоматическим электронным управлением.

— Ну что ж, будет очень приятно услышать их голоса.

— Даже для теоретических исследований вашего внутреннего строения астрономы начинают теперь применять оригинальные новейшие методы. Недавно в Пулковской обсерватории мне довелось видеть вашу модель, уважаемое светило.

— Вот как? И как же я выглядело?

— Честно говоря, я бы никогда сам не догадался, что вижу перед собой модель Солнца. Она не опалила жаром и не дала света. Это был просто-напросто большой стеклянный шар, наполненный водой со взвешенными в ней мельчайшими частицами. Но когда его начинали вращать, а потом выключали моторчик, движение воды в шаре затухало постепенно — от стенок к центру, и тогда возникали отчетливо видимые меридиональные потоки, весьма похожие на движение раскаленных газов в вашей фотосфере.

— Любопытно. Но ведь нельзя забывать и о разнице между водой в вашем шаре и моей магнитной плазмой...

— И это учитывалось в опытах: жидкость делали электропроводящей, а шар помещали между полюсами сильного магнита.

— Отлично. Теперь остается еще подобрать и другие подобию моим уникальным природным условиям: температуре, достигающей, по вашим расчетам, двадцати миллионов градусов в моих недрах, давлению, в тысячу миллионов раз превышающему ваше атмосферное. А для чего, собственно, понадобились такие модели, которые не светят и не греют?

— С их помощью ученые надеются уточнить прогнозы перемен вашей деятельности, которая очень сильно сказывается на всей Земле.

— Ага, мы, кажется, подошли к теме, которая вас больше всего волнует. «Проблема Солнце — Земля», — так, помнится, называют ее ваши ученые?

— Да, и это вполне естественно. Наша планета так тесно связана с вами, что многие астрономы теперь считают, и не без резона, что солнечная атмосфера простирается гораздо дальше, чем мы раньше полагали, — до самой Земли. И малейшие перемены в вашей активности сказываются на нашей жизни.

— Это, конечно, весьма лестно для меня, но, пожалуй, немного преувеличено...

— Может быть. Но во всяком случае ваше влияние на погоду мы ощущаем весьма явственно. Много хлопот причиняют нашим радистам магнитные бури в ионосфере, порождаемые ворвавшимися потоками ваших частиц? Тогда происходят совершенно невероятные вещи: то радиосвязь прерывается в некоторых местах так надолго, что внезапно замолкшие подводные лодки и самолеты уже считают погибшими, а то, наоборот, из-за ваших капризов через весь Атлантический океан перелетает с лондонских улиц голос диспетчера, вызывающего на ультракоротких волнах шофера ближайшего такси. Попробуй тут разберись...

— Н-да, но вам не кажется, что во всей этой неразберихе должна быть какая-то система, закономерности, которых вы пока не poznали?

— Этим и заняты сейчас ученые. Они пытаются раскрыть закономерности перемен вашей активности, чтобы можно было давать надежные прогнозы на неделю, на месяц, на год вперед. И в этом они добились несомненных, хотя и не слишком громких пока, успехов. Много исследователей занято разгадкой цикличности вашей деятельности. Уже довольно хорошо изучен самый заметный одиннадцатилетний цикл усиления и постепенного спада вашей активности. Другой цикл, захватывающий примерно восемьдесят лет, как предполагают ученые, особенно влияет на перемены земного климата, заставляя его периодически становиться то теплее, то холоднее. Есть у наших исследователей весьма серьезные подозрения о существовании и еще более растянутых во времени циклов вашей деятельности — примерно на шестьсот лет. Но проверить их пока трудно, потому что шесть столетий назад за вами еще не наблюдали так внимательно и пристально, как сейчас.

— Но ведь для расследования вам не обязательно иметь письменные доказательства. Все перемены моего излучения записаны и в отложениях различных горных пород земной коры, и в ископаемых остатках древних животных и растений, и в чередовании годовых колец тысячелетних калифорнийских секвой. Ищите, ищите...

— В связи с этим мне бы хотелось задать вам один весьма волнующий нас вопрос, дорогое светило. Земля существует пять, а возможно, даже семь-восемь миллиардов лет — тут ученые еще расходятся во мнениях. И, по новейшим космогоническим теориям, наша планета достаточно быстро остыла или даже вообще никогда не была слишком горячей, так что почти с самого начала имелись условия для развития жизни. Почему же в таком случае жизнь на Земле начала развиваться только в последний миллиард лет?

— Мне кажется, что и в этом случае имеет смысл искать ответ у вас, на Земле.

— Попробуем. Сейчас как раз наши ученые и инженеры объединяют свои усилия, чтобы в разных точках планеты пробурить сверхглубокие скважины и впервые заглянуть в сокровенную толщу земной коры. Но одновременно мы готовимся и усилить наблюдение за вами, наша сияющая дневная звезда. Сейчас заканчивается очередной одиннадцатилетний цикл вашей повышенной активности, оказавшийся на сей раз весьма бурным, и тысячи ученых различных стран готовятся вести исследования по программе так называемого «Международного года спокойного Солнца».

— Благодарю вас за такое внимание и от всей своей пламенной души искренне желаю успеха. Вы сможете многое узнать, наблюдая за мной с расстояния, особенно с искусственных спутников: приборам, установленным на них, не будет мешать земная атмосфера.

Кстати, как раз в октябре исполняется ровно пять лет, как пополнилась моя солнечная семья. Советские ученые, рабочие и инженеры создали первую искусственную планету. С тех пор спутников вокруг Земли уже закружилось столько, что я сбиваюсь со счета: сколько же теперь у меня детей? Правда, поче-

му-то не все они изучают космос. Многие искусственные спутники, стартующие с западного полушария Земли, больше заняты слишком пристальным рассматриванием поверхности своей родной планеты. Похоже, что все эти «Самосы», «Мидасы» и «Эксплореры» заняты не научными исследованиями, а совсем иной и, надо сказать, весьма малопочтенной работой...

— Да, к сожалению, вы правы. Но мы надеемся, что вскоре ученые всех стран действительно объединят свои усилия в мирном исследовании загадок природы, и тогда гораздо быстрее пойдет изучение и вас, дорогое Солнце, и всех планет. И хотя мы действительно вряд ли когда-нибудь сможем ступить на вашу огненную поверхность, это не помешает нам вечно стремиться к вам, добиваться разгадки всех ваших тайн.

По преданию, древнегреческий философ Евдокс умолял богов дать ему возможность хоть один раз увидеть Солнце вблизи и узнать, каковы его форма, величина и красота, даже ценой того, чтобы быть тотчас же сожженным. С тех пор мы многое узнали о вас, но та же великая страсть познания живет в душе каждого настоящего исследователя.

— Спасибо.

— А мне, в свою очередь, разрешите поблагодарить вас за такое обстоятельное интервью.

— О, у меня уже есть некоторый опыт!

— Что вы имеете в виду?

— Ну как же, ведь меня интервьюировали даже в стихах. Помните? «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче».

— Ага, значит, я правильно расшифровал странную радиogramму и сразу понял, что это именно вы подаете голос из мирового пространства?

— Конечно. Я очень люблю эти стихи:

«...А мне, ты думаешь,
светить
легко?

— Поди, попробуй! —
А вот идешь —
взялось идти,
идешь — и светишь в оба!»

— У вас это звучит отлично, но, к сожалению, перевод электронной машины был не слишком вразумителен...

— Но ведь это ваша, земная машина, с самих себя и спрашивают. А мое дело:

«...Светить всегда,
светить везде,
до дней последних донца,
светить —
и никаких звезд!»

— Привет горячий, Солнце!

